

РАЗДЕЛ III
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Part III. LANGUAGE EDUCATION
IN THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

DOI: 10.15372/PHE20150610

УДК 13+14+811.111'37

НЕДОСТАТКИ МЕНТАЛИСТСКОГО ПОДХОДА ПРИ ОБЪЯСНЕНИИ
ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СЕМАНТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ПЕРФЕКТА)

Б. В. Сапрыгин (Новосибирск)

При знакомстве с современной лингвистической семантикой обращает на себя внимание то обстоятельство, что объяснение смысловых значений единиц языка зачастую производится с позиций интенционализма и ментализма. Однако объяснение ряда семантических явлений с подобных позиций оказывается невозможным. Это становится заметным при преподавании такой видовременной формы английского глагола, как перфект. В сложностях, связанных с попытками объяснить значение этой грамматической формы, отражается столь важная для философии проблема значения слова.

Наличие трудностей с объяснением значения данной грамматической категории наводит на мысль о недостатках самого подхода к объяснению семантики с позиций ментализма. Одним из недостатков традиционных подходов к изложению семантики перфекта является то, что не получает полноценного раскрытия содержание основного значения этой грамматической категории. Для его выявления представляется целесообразным обратиться к диахронически исходному значению этой глагольной формы – тому значению, которое было присуще ей еще до грамматикализации данной, первоначально синтаксической, посессивной конструкции.

При анализе семантической эволюции перфекта создается впечатление, что функционирование данной грамматической формы совершается не вполне в соответствии с той ментальной семантикой, которая ему обычно приписывается. В связи с этим обращает на себя внимание семантический подход к объяснению значения слова, обнаруживаемый в трудах представителей современной аналитической фило-

© Сапрыгин Б. В., 2015

Сапрыгин Борис Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: saprygin2007@yandex.ru

Saprygin Boris V. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University.

софии. Ситуация с английским перфектом напоминает то, что упомянутые авторы говорят об антименталистском задании значения слова. Современные носители английского языка употребляют перфект в соответствии с нементальными образцами, усвоенными ими в ходе социально обусловленной практики, в которых до известной степени отражается значение той первоначальной посессивной конструкции, из которой впоследствии и развился современный перфект. При этом ментальное значение, возникающее в сознании человека, по-видимому, не в полной мере отражает «объективное» значение этой грамматической категории.

Изложенные выше рассуждения имеют последствия для философии сознания и языка. Даже если мы не готовы полностью отказаться от менталистских представлений, мы все равно вынуждены согласиться, что существенную роль в деятельности человека играют также и механизмы, которые условно можно назвать бихевиористскими или функционалистскими.

Ключевые слова: антиментализм, семантика, значение слова, образцы деятельности, философия языка, Витгенштейн, Патнем.

THE SHORTCOMINGS OF A MENTALIST APPROACH TO EXPLAINING LINGUISTIC PHENOMENA THE CASE OF TEACHING THE ENGLISH PERFECT TENSE SEMANTICS B. V. Saprygin (Novosibirsk)

In dealing with modern linguistic semantics what draws attention is that the explanation of the meanings of language units is commonly made from the standpoint of intentionalism and mentalism. However, the explanation of some semantic phenomena is impossible from such a position. For instance, it is evident when teaching such a tense-aspect verbal form as the English perfect. The difficulties involved in trying to explain the meaning of the grammatical form reflect the important philosophical issue of the meaning of a word.

The difficulties with explaining the meaning of the grammatical category suggests that there must be shortcomings in the mentalist approach to the explanation of semantics. One of the drawbacks of traditional approaches to the perfect tense semantics is that the basic meaning of this grammatical category is not fully revealed. To reveal it, it seems appropriate to refer to the diachronically original meaning of this verbal form it used to have before the grammaticalization of this initially syntactic possessive construction.

An analysis of the semantic evolution of the perfect gives the impression that the functioning of this grammatical form is accomplished not entirely in line with the mental semantics that is usually attributed to it. In this regard, attention is drawn to the semantic approach to explaining the meaning of a word that is found in the works of proponents of analytic philosophy. The situation with the English perfect resembles what these authors say about non-mentalist assigning of meanings to words. Contemporary English speakers use the perfect in accordance with non-mental activity patterns they learn in the course of social practice, which to some extent reflect the meaning of the initial possessive structure the modern perfect developed from. At the same time, a mental meaning in the mind of a person apparently does not fully reflect the «objective» meaning of this grammatical category.

The above considerations have implications for the philosophy of mind and language. Even if we are not willing to completely abandon the mentalist views, we still have to agree that mechanisms that can provisionally be called behaviorist or functionalist play a significant role in human activity.

Keywords: anti-mentalism, semantics, meaning of a word, activity patterns, philosophy of language, Wittgenstein, Putnam.

При знакомстве с современной лингвистической семантикой обращает на себя внимание то обстоятельство, что объяснение смысловых значений единиц языка в ней зачастую производится с позиций того, что с философской точки зрения можно было бы назвать интенционализмом и ментализмом. Одно из самых современных направлений в этой области – когнитивная лингвистика – представляет собой, по сути, ярко выраженный ментализм. В соответствии с этой установкой предполагается, что значение слова определяется теми ментальными образами, которые возникают в сознании говорящего. Однако объяснение ряда семантических явлений с позиций ментализма оказывается невозможным. Это становится особенно заметным, например, при преподавании такой видовременной формы английского глагола, как перфект. При этом трудности, проявляющиеся при попытке объяснить значение перфектной формы, представляют собой не просто частные трудности дидактики, в них, по сути, находит свое отражение столь значимая для философии проблема значения слова.

Общеизвестны сложности, с которыми сталкиваются изучающие английский язык в стремлении уловить суть грамматической категории перфекта. Часто они не могут понять, почему эта видовременная форма выражает такое значение. Непонятной оказывается сама дефиниция перфекта: «употребляется для выражения действия, совершившегося к настоящему моменту, результат которого имеется налицо в настоящем времени» [1, с. 129]. Поскольку с подобными формулировками в связи с русским языком они до этого не сталкивались, то оказывается невозможным и использование транспозиции. Во множестве научных работ и учебных пособий значение перфекта излагается с позиций традиционной семантики. В последнее время также появляется все больше работ, в которых объяснение значения перфекта стремятся преподнести с позиции набирающей популярность когнитивной грамматики (см., напр.: [2–4]). Однако проблемы с пониманием данной грамматической формы учащимися по-прежнему остаются. Многочисленные схемы, предлагаемые когнитивистами в попытках доступно изложить семантику перфекта, продемонстрировав, какие когнитивные представления встают в сознании носителя языка при его употреблении, малоэффективны (см., напр.: [5; 6]).

Наличие трудностей с объяснением учащимся значения данной грамматической категории наводит на мысль о недостатках самого подхода к осмыслению ее семантики. При ознакомлении с традиционным изложением семантики перфекта создается впечатление, что перед нами раскрывают некую «ситуативную» семантику – те значения, которые возникают у перфектных глаголов в конкретных случаях их употребления, в конкретных контекстах и ситуациях. Однако эти значения являются всего лишь частными значениями данной глагольной формы. При этом у учащегося не складывается должного понимания первичной, базовой,

семантики этого явления – она словно ускользает от внимания, поскольку общие определения перфекта весьма туманны по содержанию и вызывают у учащегося скорее недоумение, чем понимание. Таким образом, недостатком традиционных подходов является то, что они не способствуют получению полноценного раскрытия содержания основного, общего значения этой грамматической формы, а все внимание уделяется перечислению случаев ее употребления и описанию тех или иных частных значений, которые она при этом приобретает (ср.: [7, с. 55–60]).

Более того, примечателен тот факт, что грамматическое значение перфекта, как кажется, является чем-то не совсем определенным и для самих носителей английского языка: «...формальные различия между перфектом настоящего времени и претеритом в английском языке стерлись до такой степени, что эти различия уже трудно учитывать, особенно принимая во внимание тот факт, что функционально-семантические различия между ними также малы...» [8, с. 243]. Недаром поэтому мы сталкиваемся со столь большим числом случаев такого его употребления в разговорной речи, которое не укладывается в рамки стандартного английского [8–10].

Поскольку понимание основного значения современного английского перфекта в его традиционной формулировке вызывает затруднения, представляется разумным обратиться к диахронически исходному значению этой грамматической формы (ср.: [7, с. 57–58]) – тому значению, которое было присуще ей до грамматикализации данной, первоначально синтаксической, конструкции. Историческое развитие перфекта как грамматической категории можно изобразить как трансформацию и последующую семантическую эволюцию синтаксического посессивного сочетания типа *habeo id factum* (имею это сделанным, *I have it done*), которое в конечном итоге превращается в морфологизованную конструкцию, ставшую частью грамматической парадигмы [11, с. 266–292]. Учет этого обстоятельства, как представляется, позволяет прояснить и смысл современного значения данной категории, который она приобрела в ходе семантической эволюции, и тогда становятся понятны многие из ее частных значений.

Сопоставление семантики современного перфекта и той синтаксической конструкции, из которой он развился, обнаруживает интересный феномен. Создается впечатление, что, хотя современному английскому перфекту действительно присуща определенная ментальная семантика, иными словами, носитель языка на самом деле руководствуется какими-то осознанными представлениями при его использовании, функционирование этой грамматической формы совершается все же не вполне в соответствии с ней. Английский перфект используется в значительной степени так, как будто он является той самой посессивной конструкцией, из которой первоначально и вырос и каковой является по своей внешней

форме. Однако у современного носителя английского языка нет осознания этого факта: внешняя форма перфектной конструкции им не осмысливается, в его сознании не присутствует даже оттенка семантики посесивности в отношении этой грамматической глагольной формы.

Вот еще интересное наблюдение. В соответствии с теорией развития перфекта «историческое развитие идет, как правило, от статального к акциональному перфекту, <...> а акциональный перфект в дальнейшем в той или иной мере утрачивает перфектную специфику и может превращаться в неперфектное прошедшее время. Таким образом, вырисовывается линия развития: обозначение состояния → статальный перфект → акциональный перфект → неперфектный претерит» [11, с. 54–55]. Исходя из вышесказанного, можно было бы ожидать, что английский перфект будет проявлять несколько иные свойства, чем те, что он проявляет в действительности. Так, он должен был бы сочетаться с обстоятельствами прошедшего времени, как это наблюдается в других языках, например немецком или древнерусском. И возможность подобного употребления перфекта мы как раз и обнаруживаем в разговорной речи [9; 10], поскольку в сознании современного англоязычного человека семантика перфекта носит достаточно неопределенный характер: перфект для него – это некая разновидность прошедшего времени с неясным оттенком того, что это имеет какое-то отношение к настоящему (ср.: [8]). Использование перфекта с обстоятельствами прошедшего времени наблюдалось и в прошлом, например в ранне-новоанглийском и средненовоанглийском периодах [8, с. 235–236]. Английский перфект на данном этапе своей эволюции вообще мог бы превратиться в претерит, как это произошло с перфектом в русском языке. В целом есть свидетельства в пользу того, что в восприятии людей, говорящих на английском, различия между простым прошедшим временем и перфектом постепенно стираются («по крайней мере, американский английский уже достиг такой стадии, на которой перфект настоящего времени и претерит не всегда воспринимаются как отчетливо различающиеся глагольные формы» [8, с. 245]), что говорит о том, что перфект постепенно приближается к завершающему этапу своего развития. И все же мы по-прежнему наблюдаем различия между тем, как перфект употребляется, что отражается в нормах стандартного английского, и тем, как он осмысливается в сознании носителя языка. В чем же причина такого положения дел? Как возможно подобное рассогласование между содержанием сознания и реальным действием?

В связи с этим обращает на себя внимание иной семантический подход к объяснению значения слова, который мы обнаруживаем в трудах представителей современной аналитической философии. Здесь прежде всего хотелось бы упомянуть имена Л. Витгенштейна, У. Куайна, У. Селларса, Х. Патнема. Достижения философской семантики, развитой в ра-

ботах этих авторов, можно использовать для анализа проблематики английского перфекта (см.: [12; 13]).

Так, согласно Витгенштейну, идеи которого в этом отношении вообще весьма радикальны, слова не являются носителями самостоятельных значений. Язык, по Витгенштейну, – это лишь способ действия, особая практика, подобная любой другой человеческой деятельности, которая совершается по особым, социально устанавливаемым правилам [14]. «Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это *практики* (применения, институты). Понимать предложение – значит понимать язык. Понимать язык – значит владеть некой техникой» [15, с. 162]. При этом речь не идет о понимании в обычном смысле этого слова: это не «интерпретация», которую человеческое сознание могло бы осуществить, чтобы реализовать какое-то действие. «...Существует такое понимание правила, – говорит Витгенштейн, – которое является не *интерпретацией*, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки правилу” в реальных случаях его применения» [15, с. 163]. Иными словами, понимание правила – это не «осознание» как некая «духовная деятельность». Следовать правилу таким, а не иным образом есть «форма жизни». Совместная деятельность людей дает возможность устанавливать устойчивые и intersubjective правила языка, практика и регулярное употребление поддерживают эти правила. Именно это дает нам критерий правильности употребления слов, а следовательно, говоря на быденном языке, правильности понимания их смысла. Значения слов, таким образом, определяются операционально. Значение слова есть его употребление [15, с. 99].

Витгенштейн вроде бы не отрицает существования тех сущностей, которые обычно называют «душевными процессами» – внутренние состояния, переживания, восприятия и т. п. (ср.: [15, с. 185–186]). Он и сам говорит, что не отвергает ничего и в этом смысле не является бихевиористом (см.: [15, с. 184–186]). Однако эти ментальные образы не являются сущностью того, что на быденном языке называют мышлением. Даже если в моем сознании и возникают какие-то образы, не они определяют мое употребление слов [15, с. 129; 128; 306; 265–267; 305–306] (см. также: [16]). Ментальные значения слов, предполагаемые при традиционном семантическом подходе, представляют собой вторичные образования: люди, побуждаемые к интроспекции, вызывают их в себе в момент «напряженного взглядывания» в себя либо путем воображения домысливают, какие ментальные образы должны были бы сопровождать употребление того или иного слова. А домысливают они эти значения, как мы можем предположить, отталкиваясь от реального употребления слова. У человека, действующего в естественных условиях, ничего подобного в сознании чаще всего не возникает (ср.: [15, с. 97]).

Согласно теории референции другого известного современная логика и философа, Х. Патнема [17], неверными являются распространенные представления о значении слова, в соответствии с которыми «знание значения термина связано с пребыванием в определенном психологическом состоянии» [18, с. 169] и «значение термина (понятое как “интенционал”) определяет его экстенционал (в том смысле, что из тождества интенционалов вытекает тождество экстенционалов)» [18, с. 169]. В своей работе «Значение “значения”» он отвергает привычные представления о способах задания референции и говорит о том, что значения слов, воспринимаемые как «ментальные образы» в сознании человека, не могут определять референцию этих слов. Патнем утверждает: «...экстенционал термина не фиксируется с помощью понятия, которое индивидуальный носитель языка имеет в своей голове, и это верно как в силу того, что экстенционал обычно определяется *социально* (существует разделение лингвистического труда в такой же мере, как и разделение “реального” труда), так и в силу того, что экстенционал отчасти определяется *индексально*» [18, с. 202].

Мысли, сходные с идеями аналитических философов-антименталистов, в своей теории социальных эстафет удачно выразил российский мыслитель М. А. Розов. Человек *бессознательно* воспроизводит образцы чужой деятельности, даже если ему и *кажется*, что он осознает, что делает. В его сознании возникает одно представление, а на деле происходит нечто иное. В связи с этим Розов говорит о допустимости противопоставления «подлинной деятельности» человека «ее рефлексивному осознанию» [19, с. 38]. «...[Человек] действует в рамках определенных эстафет, воспроизводя соответствующие образцы. Вербализация этих образцов, то есть попытка заменить их вербальными предписаниями, – это и есть рефлексия» [19, с. 38]. Зачастую получается так, что в рефлексивном осознании своей деятельности человек заблуждается [19, с. 38].

Ситуация с английским перфектом, как кажется, напоминает то, что упомянутые выше авторы говорят об антименталистском задании референции. Значение перфекта в сознании носителя языка и его «объективное» значение – то, которое определяется историей его происхождения и его употреблением, – как кажется, различаются. Реальный человек употребляет перфект в соответствии с некими нементальными, неосознаваемыми им самим образцами, усвоенными в ходе социально обусловленной практики, в которых до известной степени отражается значение той первоначальной посессивной конструкции, из которой впоследствии и развился современный перфект. При этом ментальное значение, возникающее в сознании человека, по-видимому, не отражает до конца «объективного» значения этой грамматической категории. Умение употреблять перфект в соответствии с требованиями норм стандартного английского – это то неявное, имплицитное знание, которое с трудом для обычного но-

сителя языка переводится в разряд эксплицитного «знания почему». (Из этого, пожалуй, следует сделать вывод, что, когда в учебных пособиях предлагают усваивать то или иное грамматическое явление через перечисление образцов, в которых оно присутствует, как это имеет место в отношении частных значений перфекта, это не совсем неверный подход. Ведь именно так и происходит овладение языком со стороны самих его носителей.)

В то время как грамматика перфекта усваивается через овладение образцами его употребления, в сознании носителя языка параллельно возникают сопутствующие ментальные образы, осознаваемые как его значение. Однако ментальная семантика является лишь вторичным образованием, возникающим, когда говорящему нужно как-то осмыслить свое словоупотребление. На это указывает Витгенштейн, отмечая, что ментальное значение возникает тогда, когда мы чересчур сильно концентрируем внимание на слове.

Таким образом, хотя в ментально обусловливаемой семантике перфекта наблюдается сдвиг значения как результат десемантизации и грамматикализации, на уровне употребления этой грамматической формы английский перфект выражает значение, близкое к его первоначальному значению possessивной конструкции, реальное использование которого отражает иную семантику – не ту, что содержится в сознании говорящего.

Изложенные выше рассуждения не могут не иметь последствий для философии сознания и языка. Хотя мы не склонны отрицать роли ментальных механизмов, все же вынуждены признать значимость и механизмов иного рода. Пример с перфектом показывает, что ментальные образы не детерминируют однозначно работу языка и сознания. Даже если мы не готовы полностью отказаться от менталистских представлений, мы все равно вынуждены согласиться, что существенную роль в деятельности человека играют и механизмы, которые условно можно назвать бихевиористскими или функционалистскими.

В заключение выскажем некоторые соображения, касающиеся методов преподавания грамматики перфекта. В большинстве пособий по грамматике учащиеся обнаруживают семантику этой формы, изложенную в менталистских терминах. Однако реальное использование перфекта, как мы стремились показать, совершается не совсем так. Отсюда и проистекает то непонимание и неспособность правильно использовать перфект, которые мы часто наблюдаем со стороны студентов. До тех пор пока они не столкнутся с достаточным количеством образцов и не усвоят их на уровне имплицитного знания, они оказываются неспособными правильно его употреблять. Чтобы добиться успеха в этой области, необходимо эксплицитировать семантическую эволюцию перфекта. Важно обратить внимание уча-

щихся на диахронически первичную семантику той посессивной конструкции, которая лежит в основании этой грамматической формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Качалова К. Н., Израилевич Е. Е.** Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. – Киев, 2003. – Т. I. – 364 с.
2. **Langacker R. W.** Cognitive grammar: a basic introduction. – Oxford; New York, 2008. – 562 p.
3. **Tyler A.** Cognitive linguistics and second language learning: theoretical basics and experimental evidence. – New York, 2012. – 252 p.
4. **Heine V.** Cognitive foundations of grammar. – Oxford; New York, 1997. – 185 p.
5. **Кравченко А. В.** Когнитивная грамматика и методика обучения английскому языку как иностранному: дело о «временах» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2012. – Вып. XIV. – С. 343–358.
6. **Drożdż G.** Cognitive grammar tools in teaching English tenses – the case of Present Perfect // *Linguistica Silesiana*. – 2011. – No. 32. – P. 213–228.
7. **Князев Ю. П.** Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М., 2007. – 704 с.
8. **Elsness J.** The present perfect and the preterite // Rohdenburg G., Schlüter J. (eds.) *One Language, Two Grammars? Differences between British and American English*. – New York, 2009. – P. 228–245.
9. **Лабашева Н. А.** Проблемы типологии: перфекты и результативность в разговорном и нестандартном английском и русском языках // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2. – С. 147–152.
10. **Кузнецова Л. В., Кузнецова Л. М.** Эволюционные процессы полифункциональной грамматической категории перфекта в английском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 1. – С. 288–293.
11. **Маслов Ю. С.** Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004. – 840 с.
12. **Сапрыгин Б. В.** Значение невербальных когнитивных актов для формирования знания: дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2006. – 165 с.
13. **Сапрыгин Б. В.** Замечания по поводу антиинтенционализма Куайна // *Философия: история и современность*. 2002–2003: сб. науч. тр. : Ин-т философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. – Новосибирск, 2003. – С. 3–17.
14. **Сапрыгин Б. В., Веркутис М. Ю.** О подходе к образованию в свете концепции «неявного знания» (на примере преподавания иностранного языка) // *Философия образования*. – 2015. – № 1(58). – С. 126–136.
15. **Витгенштейн Л.** Философские работы. – М., 1994. – Ч. I. – 530 с.
16. **Сапрыгин Б. В.** Неявные менталистские допущения в философии языка Л. Витгенштейна // *Общественные науки*. – 2010. – № 3. – С. 60–68.
17. **Сапрыгин Б. В.** На самом ли деле это антиментализм? Анализ представлений Х. Патнема о референции ментальных репрезентаций // *Философия сознания: классика и современность*. Вторые Грязновские чтения. – 2007. – С. 165–172.
18. **Патнем Х.** Значение “значения” // Патнем Х. *Философия сознания*. – М., 1999. – С. 164–235.
19. **На теневой стороне** // Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском академгородке. – Новосибирск, 1996. – 338 с.

REFERENCES

1. **Kachalova K. N., Izrailevich E. E.** Practical English Grammar with exercises and keys. – Kiev, 2003. – Vol. I. – 364 p.
2. **Langacker R. W.** Cognitive grammar: a basic introduction. – Oxford; New York, 2008. – 562 p.

3. **Tyler A.** Cognitive linguistics and second language learning: theoretical basics and experimental evidence. – New York, 2012. – 252 p.
4. **Heine B.** Cognitive foundations of grammar. – Oxford; New York, 1997. – 185 p.
5. **Kravchenko A. V.** Cognitive grammar and methodology of teaching English as a foreign language: the case of tenses. – Topical problems of philology and pedagogical linguistics. – Vladikavkaz, 2012. – Vol. XIV. – P. 343–358.
6. **Drożdż G.** Cognitive grammar tools in teaching English tenses – the case of Present Perfect. – *Linguistica Silesiana*, 2011. – No. 32. – P. 213–228.
7. **Knyazev Yu. P.** Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective. – Moscow, 2007. – 704 p.
8. **Elsness J.** The present perfect and the preterite. – Rohdenburg G., Schlüter J. (eds.) *One Language, Two Grammars? Differences between British and American English*. – New York, 2009. – P. 228–245.
9. **Labasheva N. A.** Problems of typology: perfects and resultativeness in colloquial and non-standard English and Russian. – *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. – 2010. – No. 2. – P. 147–152.
10. **Kuznetsova L. V., Kuznetsova L. M.** Evolutionary processes of the multifunctional grammatical category of perfect in English. – *Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. – 2009. – No. 1. – P. 288–293.
11. **Maslov Yu. S.** Selected works: Aspectology. General Linguistics. – Moscow, 2004. – 840 p.
12. **Saprygin B. V.** The role of nonverbal cognitive acts in the formation of knowledge: diss. ... of candidate of philosophical sciences. – Novosibirsk, 2006. – 165 p.
13. **Saprygin B. V.** Remarks on Quine's anti-intentionalism. – *Philosophy: history and modern times. 2002–2003: coll. of academic works: The Institute of Philosophy and Law of the United Institute of History, Philology and Philosophy of the SB RAS*. – Novosibirsk, 2003. – P. 3–17.
14. **Saprygin B. V., Verkutis M. Yu.** On an approach to education in the light of tacit knowledge conception: the example of foreign language teaching. – *Philosophy of Education*. – 2015. – No. 1(58). – P. 126–136.
15. **Wittgenstein L.** Philosophical works. – Moscow, 1994. – P. I. – 530 p.
16. **Saprygin B. V.** Implicit mentalist assumptions in Wittgenstein's philosophy of language. – *Social sciences*. – Moscow, 2010. – No. 3. – P. 60–68.
17. **Saprygin B. V.** Is it really anti-mentalism? Analysis of H. Putnam's views on the reference of mental representations. – *Philosophy of mind: classic and modern. The Second Gryaznov Readings*. – Moscow, 2007. – P. 165–172.
18. **Putnam H.** The Meaning of «Meaning». – *Philosophy of mind*. – Moscow, 1999. – P. 164–235.
19. **On the shady side.** Materials on the history of M. A. Rozov's seminar on epistemology and philosophy of science in Novosibirsk Akademgorodok. – Novosibirsk, 1996. – 338 p.

BIBLIOGRAPHY

- Comrie B.** Aspect. – Cambridge, 1998. – 142 p.
- Comrie B.** Tense. – Cambridge, 2000. – 140 p.
- Kosenko T. S.** The problems of axiological understanding of the educational process. – *Philosophy of Education*. – 2004. – No. 9. – P. 154–158.
- Lyons J.** Linguistic Semantics. An Introduction. – Cambridge, 1995. – 396 p.
- Putnam H.** Reason, Truth, and History. – Cambridge, 1981. – 236 p.
- Rozov M. A.** Philosophy of science in a new take. – Moscow, 2012. – 440 p.
- Saprygin B. V., Verkutis M. Yu.** On an approach to education in the light of the tacit knowledge conception (on the example of foreign language teaching). – *Philosophy of Education*. – 2015. – No. 1(58). – P. 126–136.
- Wittgenstein L.** Philosophical investigations. – Oxford, 1986. – 250 p.

Yao X. Developments in the Use of the English Present Perfect: 1750 – Present. – Journal of English Linguistics. – 2014. – No. 42(4) – P. 307–329.

Yao X., Collins P. Recent change in non-present perfect constructions in British and American English. – Corpora. – 2013. – No. 8 (1). – P. 115 – 135.

Принята редакцией: 21.10.2015

DOI: 10.15372/PHE20150611

УДК 13+316.3/.4+372.016:81

ПРАКТИКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ)³

О. А. Вальгер (Новосибирск)

Статья посвящена изучению практик, обеспечивающих преемственность постоянно воссоздаваемому конструкту нации в условиях свободного доступа ко всему разнообразию культурных знаков, который предоставляет нам современный мир. Автор рассматривает пример обучения государственному языку, которое привлекается элитами как средство унификации кода для эффективной трансляции коллективного нарратива. Развитие языка до кода обучения и официально-делового общения рождает языковые практики, которыми пользуется индивид в социальном общении. Эти языковые практики в значительной степени определяются тем, какой принцип членства практикуется в национальном сообществе.

В современном мире поле возможного социального опыта индивида беспрецедентно широко по сравнению с предыдущими эпохами, и обучение государственному языку становится одним из способов обеспечения наличия некоторой общей части социального опыта у широкого круга не взаимодействующих непосредственно членов одного национального сообщества. Поскольку национальная идентичность существует в форме сверки процессов самоидентификации и идентификации индивида, роль обучения государственному языку в этом процессе может быть описана как предоставление потока ситуаций, вызывающих процессы сверки. Идея многоэтнического гражданского национального сообщества основывается на допущении того, что языковая личность изменчива. Процесс обучения государственному языку изменяет языковую идентичность, делая восприятие ее индивидом более осмысленным и символически маркированным, что обеспечивает схожесть культурных знаков в опыте разных членов одного и того же политического сообщества.

Ключевые слова: национальная идентичность, гражданская нация, самоидентификация, государственный язык, символическое замещение, культурный знак.

³Работа выполнена в рамках проекта «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека» при поддержке Российского научного фонда (грантовое соглашение № 14-18-03087).

© Вальгер О. А., 2015

Вальгер Олеся Алексеевна – аспирант кафедры права и философии, старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: olesyavalger@gmail.com

Valger Olesya A. – postgraduate student in Social Philosophy with the Department of Law and Philosophy, Senior Lecturer for the English Department of Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.